

Ага Баню

СВЯЗАННЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ада Вальц

Связанные

<https://litres.ru/74670204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир больше не принадлежит людям. Остатки человечества укрылись за высокими бетонными стенами убежищ. Снаружи — полчища заражённых. Внутри — голод, страх и жестокий новый порядок.

Ошибка системы или ключ к спасению?

Вайс Кай Холт был укушен, приговорён и изгнан за стену. Он должен был умереть и пополнить армию мертвецов, но судьба распорядилась иначе.

Дейзи Коллинз — иммунолог, живущая за безопасными стенами исследовательского Сектора 7. Здесь изучают заражение, ищут ответы и обещают человечеству шанс на будущее. Но чем дольше Дейзи работает внутри системы, тем отчётливее понимает: стерильные коридоры скрывают не меньше ужаса, чем разрушенные города за стенами секторов. В месте, где человеческая жизнь стоит дешевле консервной банки с тушёной или бутылки чистой воды, обещания спасения кажутся лишь болезненной, призрачной иллюзией.

В мире, где на исходе еда, лекарства и надежда, стремительно заканчивается самое важное — человечность.

Содержание

Глава 1 Эрик	5
Глава 2 Вайс	9
Глава 3 Дейзи	14
Глава 4 Вайс	18
Глава 5 Дейзи	24
Глава 6 Эрик	29
Глава 7 Вайс	33
Глава 8 Дейзи	39
Глава 9 Дейзи	44
Глава 10 Вайс	50
Глава 11 Эрик	55
Глава 12 Эрик	60
Глава 13 Вайс	67
Г	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ада Вальц Связанные

Глава 1 Эрик

Вам знакомо слово отчаяние? Раньше я думал, что отчаяние — это когда тебя бросает девчонка ради перспективного менеджера из Нью-Йорка. Каким же идиотом я был. Настоящее отчаяние пахнет порохом и гниющей кровью. И прямо сейчас оно смотрит на меня глазами моего младшего брата.

— Эрик...

— Покажи мне свою руку, Вайс.

— Это просто царапина, ничего серьёзного, правда.

Как же мне хотелось ему поверить. Царапина? А как же. Тогда он не прятал бы свою ладонь в кармане. Какой в этом смысл? Разве что он скрывает от меня правду?

— Я сказал, покажи мне свою чертовую руку, по-хорошему. Бегом. Это приказ. Или я позову парней и тогда будем разговаривать по-другому.

Я надеялся, что все мои гребаные догадки лишь дурацкая паранойя. Да. Она мне мешала жить, сколько себя помню. И даже сейчас я не могу успокоиться, потому что от этого зависит жизнь. Не моя. Плевать я хотел на себя.

Жизни. Души людей, которые доверились мне, и я просто не мог подвести их. Защита, самопожертвование, устав. Три слова, которые я повторял снова и снова, чтобы не сойти с ума.

В этом гребаном мире каждый пытался найти смысл жить

дальше. Или, по крайней мере, существовать. Выживать. И я свой нашёл.

Защита слабых, обречённых и раненых, в сердцах которых поселилась надежда. Надежда на жизнь. Нет, это будет наглая ложь, если я скажу, что они проживут долго и счастливо. Но на безопасный ночлег, пайок, пачку медикаментов при необходимости они могли рассчитывать.

— Только выслушай меня, ладно?

Вайс начинал меня бесить. Я просил у него всего лишь показать руку? Неужели это, блядь, так сложно?

— Показывай, давай, — терпением меня обделили.

Думаю, Вайс это и сам прекрасно понимал. Потому что начал медленно вытаскивать руку из кармана толстовки.

— Послушай, это может показаться невероятным, но...

— Что такое?

Я присмотрелся. Твою мать... Нет, нет, нет, нет... Нет. Этого просто не может быть. Нет.

Я смотрел на его израненную ладонь. Укус. Ебанный след человеческих зубов.

— Вайс...

Я инстинктивно потянулся к кобуре с пистолетом. Инкубационный период — 12 часов. На вылазке мы были три дня назад. Три, мать его, дня?! Это что, блядь, такое?!

— Эрик, послушай!

И что же он мог мне рассказать? Что?

— Ты почему мне не сказал? Ты хоть понимаешь, что сде-

лал?

Если люди поймут, если они обнаружат, что в бункере находится укушенный, поднимется паника. Многие пострадают. Боже, Вайс, почему именно ты?! Почему это должен был быть ты?

— Я понимаю.

— Нет, ты, нихерашеньки не понимаешь, сопляк. Устав, который мы писали с тобой на одном клочке бумаги, как только начали собирать людей, гласит: пусти пулю в лоб заражённому.

— Но я не заражённый! Эрик, послушай. Прошло три дня. Я бы уже давно обратился. Но я стою пред тобой. В здравом рассудке и с трезвой головой. Посмотри на меня.

Я не мог посмотреть в глаза смертнику. Мой взгляд зацепился за его руку. Патоген паутиной распространился по его ладони. Три дня, значит, да? Может, инкубационный период запоздал или продлился из-за слабости вируса или силы иммунитета Вайса. Всё-таки он крепкий парень.

Я не мог рисковать дольше положенного. Мой брат был укушенным. Устав. Исполнение. Пуля.

— Вайс, прости.

Я достал своё табельное оружие из кобуры и снял с предохранителя. Мне нужно сделать это. Мне нужно застрелить своего собственного брата. Младшего брата, которого я клялся защищать. Но разве жизнь одного, пусть даже моего брата, дороже жизней сотни людей? Думаю, что нет. Жертвы

всегда есть и будут. Этого не изменить. В этот раз мне снова не повезло. Надо это сделать как можно быстрее.

— Развернись ко мне спиной!

Я не хотел видеть его лицо. Я даже не хотел, чтобы он говорил свои последние слова. Потому что они навсегда застрянут в моей голове, до самой кончины. И я просто не смогу жить дальше.

Я хотел, чтобы Вайс начал сопротивляться, выхватил оружие и спасался бегством. Он ведь с самого детства отличался своей бунтарской натурой, а теперь так просто сдался? Или из-за устава? Почему ты, чёрт возьми, ведёшь себя так покорно?

— Стреляй...

Он тяжело опустился на колени и покорно склонил голову, подставляя затылок под дуло. Ни криков, ни попыток вырваться. Просто сломленный человек, который смирился с тем, что сегодня он станет очередной жертвой устава. Мой младший брат Вайс.

Глава 2 Вайс

— Стреляй, просто сделай это.

Он меня не слушает. Ведь так? Пускай пройдёт неделя или год. Ему не доказать. Правила превыше всего. Не так ли, мой драгоценный старший братик? Обычно такие решения он принимал быстро, беспристрастно.

Свинец — освобождение, а заражённый — мученик. Эрик верил, что таким образом он избавляет их от страданий, а мир — от угрозы и от ещё большего количества мучеников. И я в это верил до определённого времени, а если быть точнее — до сегодняшнего дня, когда сам оказался под дулом пистолета собственного брата.

— Вайс, почему ты не сопротивляешься?

Глупый вопрос, Эрик.

Я затылком чувствовал холодный металл пистолета. Рука брата... дрожит? Вот тебе и на. Но ведь устав есть устав. В любом случае он может позвать кого-то из приближённых, если не хватит духа спустить курок. Например, Майка, который у него за спиной метит в капитаны. Сможет заработать себе очко в копилку.

Я столько раз видел, как Эрик безапелляционно выносит приговоры и сам же приводит их в исполнение, что привык к человеческим воплям о пощаде. И понимал, что это ни к чему не приведёт. Пощады не будет. Какой смысл сопротив-

ляться? Тем более ты сильнее меня, братишка. И опыта побольше будет. Бывший морпех всё-таки.

И ты прав. Паника в лагере, где припасы, медикаменты и патроны на исходе — катализатор бунта и хаоса.

А жизнь перед глазами пронесётся? Жизнь... Какая к чёрту жизнь. Я зажмурился, ожидая выстрела. Ни дома, ни семьи. Даже случайного отпрыска после себя не оставил. Или где-то бегают? Господи, надеюсь, что нет. Оставлять кого-то в этом дерьмовом мире... Чёрт.

— Вайс... я выведу тебя через чёрный ход, поднимайся! Скорее.

Эрик потянулся ко мне и схватил за шиворот, рывком поднимая с колен. Представление окончено? Что он только что сказал? Мне слышалось? Может, лучше переспросить. Может, он просто не хочет оттирать мои мозги со стен комнаты, где ему ещё придётся жить. Запах гнили, мертвечины... Вот это было бы ароматище.

— Неужели патрона жалко? — хрипло выплюнул я, защищаясь привычным сарказмом.

Человек, у которого каждый шаг по расписанию, который и лишнего слова не проронит без надобности. Никогда не задавался этим вопросом, но сейчас мне стало интересно: ходит ли он в сортир по расписанию или по зову сердца?

Практичность, логика, рациональность. Неужели родственные связи вдруг так легко сломали многолетнюю дисциплину и хладнокровность?

— Или будешь меня прятать ото всех, чтобы убедиться, что мои догадки — это правда? Эрик с тяжёлым выдохом опустил оружие и в спешке схватил тактический рюкзак, не замечая мои жалкие попытки поговорить с ним, достучаться до его клятого устава, который он принимал слишком близко к сердцу. Армия сделала из него дрессированного пса, который бы даже при сильном голоде не притронулся к мясу без приказа. Даже после конца света он продолжал играть в солдатики.

С одной стороны, он был прав. Да и устав мы писали вместе. Но я покажусь лицемерным, если скажу, что не хотел бы, чтобы брат сделал исключение для меня.

Я не мог не заметить, как его руки дрожали. Как лидер, Эрик имел доступ ко всему в бункере, а также право распоряжаться ресурсами на своё усмотрение. Самопожертвование, отвага и, я бы сказал, «слабоумие» — потому что как ещё по-другому объяснить его бесконечные вылазки без продыху? — завоевали сердца и доверие людей. Тех, кого он так отчаянно пытался защитить. Выиграть для них у смерти хотя бы немного времени.

— Вайс, бери рюкзак! Живо. И прихвати тёплые вещи, хорошую пару обуви.

Я заглянул внутрь рюкзака. В спешке Эрик набросал туда консервы, какие-то запечатанные батончики или печенье. Да тут порция на неделю, не меньше. Но если постараться, то можно растянуть и на полторы. Это за какие такие заслуги?

Лекарства?

— Если ты прав... если те сказки, о которых поговаривают — правда, то ты выживешь. Но мне мало в это верится. А пока что... мне придётся выставить тебя за пределы убежища. И я надеюсь, что ты ни с кем не успел поделиться своим секретом.

— Что? Вместо того чтобы просто запереть меня на несколько недель, ты готов вышвырнуть на улицу? В ночь к заражённым и мародёрам, Эрик?!

— А что ты предлагаешь? Как я объясню людям и остальным? «Послушайте, на нижних секторах сидит потенциальный заражённый, но вы не переживайте, вам нечего бояться. Мы отработываем теорию иммунитета к патогену». Так?!

— Да, именно так и объясни! — огрызнулся я. — Или слабо сказать им правду?

— Послушай, Вайс. Патоген не до конца изучен. Всё, что мы знаем — это лишь жалкие наблюдения. Да ты сам-то веришь в эту чепуху?

— Да. Я предпочитаю верить в то, что мне повезло. А ты? Вот и изучим подробнее на моём примере.

Я хотел, чтобы он тоже верил. Нет, поверил именно мне и моим словам. Неужели это, блядь, так невозможно — поверить собственному брату?

— Инкубационный период прошёл, Эрик. У меня нет никаких симптомов, кроме головокружения и потливости...

Ой, ну какой чёрт тянул меня за язык. Идиот. Просто кон-

ченный идиот. Эрику ведь и чиха будет достаточно, чтобы убедиться в правильности своих выводов.

— Головокружение — первый симптом, который наблюдается первые пару часов. Потливость — вторая стадия. Может, у тебя он затянулся. Не знаю почему, но укус есть укус. И симптомы тому подтверждение.

— Но прошло уже три дня! Тогда просто запри меня на время.

— Всё, хватит! Я достаточно услышал.

Эта фраза означала только одно: он упёрся как тупой баран и будет стоять на своём до последней капли крови.

— Я дам тебе оружие, патроны. И пару недель времени. Если выживешь и...

— Если я смогу выжить в том аду, то никогда не вернусь назад. Ты меня понял?

— Если сможешь. А сейчас пошёл. К чёрному выходу.

Он толкнул меня вперёд. Как будто перед ним был не его собственный брат, который не раз спасал его тупую задницу, а какой-то ублюдок, которому были не рады. Хоть консервы и жалкую пачку обезболивающего выделил. Спасибо и на этом, Эрик.

Глава 3 Дейзи

— Испытуемый 1082.

Громкоговоритель так напрягает. Как же надоело. И снова очередной заражённый. Но теперь мне его даже не жаль. Вернее, я изо всех сил заставляю себя ничего не чувствовать. За что боролся, на то и напоролся.

Ещё год назад, на последних курсах по иммунологии, я изучала макрофаги и клеточный ответ, искренне веря, что наука способна победить любую заразу.

Никто, чёрт возьми, не готовил нас к тому, что вместо разработки вакцин мне придётся хладнокровно документировать, как патоген пожирает организм, и сжигать собственных коллег.

Обычно Айзек стоял здесь, рядом со мной. В чистом, выглаженном халате. Без малейшего намёка на заражённую кровь, в которой мы копались дни и ночи напролёт, пытаясь выделить хоть какие-то антитела. А сейчас, по иронии судьбы, он оказался по ту сторону бронированного стекла, став очередным испытуемым.

Всё, что мы могли сделать — это просто наблюдать за ним. И записывать интересные данные о патогене, который с лёгкостью обходил любой иммунный ответ и превращал разумных людей в кровожадных чудовищ.

Да, их интересовало всё, а не только мозги, как принято

считать. Они обгладывали даже кости мертвецов. Будь у них сильнее челюсть, они бы перемалывали их в пыль.

Его кожа полностью покрылась чёрной сеткой капилляров — патоген окончательно захватил кровеносную систему. Одно и то же. Я даже не собиралась доставать ручку из кармана. Ничего нового.

— Испытуемый 1082 прошёл последнюю стадию заражения. Запускаю протокол ликвидации объекта.

Самая невыносимая часть. Во время сожжения они вопят как люди, осознавшие, что оказались в ловушке этого безумия.

Вопли такие, что хочется проткнуть себе барабанные перепонки скальпелем. И Айзек кричал так жалобно... В тот момент мне до одури захотелось нажать кнопку отмены и помочь ему.

Глупые, слабовольные мысли. Они посещают меня чаще, чем того требует моя профессия. Эмоции здесь, в этом месте... в этом мире — помеха. Это слабость, которая убьёт тебя вслед за испытуемым.

Правила биобезопасности созданы для того, чтобы выживать. Айзек решил ими пренебречь, когда работал с активным штаммом без должной защиты. И вот результат.

— Эй, Дейзи, что-то ты сегодня не настроена на работу, я прав? Летаешь в облаках.

Итан. Моя личная головная боль. Жизнь в этих стенах и так напоминает изолятор, но с появлением этого идиота она

стала просто невыносимой.

— Итан, я могу хоть один чёртов день просто делать свою работу и не слушать твою болтовню? — процедила я, даже не глядя в его сторону.

Я никогда с ним не церемонилась. Сил на вежливость просто не осталось.

— А что не так? Я просто пытаюсь разрядить обстановку. Мы тут вроде как спасаем остатки современного общества.

— Ха, современного общества? — я горько усмехнулась. — Скорее выживших бродяг, которые сбились в кучу, чтобы спать было теплее.

— Ну да, ты права. Как всегда.

— Просто перестань стоять над душой и задавать глупые вопросы. Понял меня?

Скажи спасибо, Итан. Ещё легко отделался.

Экзекуция на сегодня была окончена. Или до того времени, пока они не приведут следующего заражённого.

Все эти пытки, наблюдения, протоколы — это прямое уничтожение человеческого достоинства.

Но деньги не пахнут, сказала бы я до начала эпидемии. Вот только сейчас деньги больше не имеют значения. В нашем новом мире твёрдая валюта — это мягкая постель с трёхразовым питанием и доступ к чистой лаборатории. Предел мечтаний любого человека.

Все давно забыли про научную этику и мораль. Важно лишь закрыть базовые физиологические потребности. Ино-

гда я вспоминаю свои университетские споры о гуманизме, врачебной тайне и психологической поддержке пациентов. Смешно. Сейчас попробуй заикнись кому-то, что у тебя ПТСР или выгорание — покрутят у виска. Да и только.

Глава 4 Вайс

Эрик хотел попрощаться со мной, сказать что-то путное напоследок, но я его не слушал. Вернее — игнорировал. Плевать, что он скажет теперь.

Мне было достаточно и того, что он не ныл и не просил прощения за своё скотское решение по отношению ко мне.

Он сунул мне в руку пистолет и дал пару магазинов. Брат, да мне и одной пули достаточно, чтобы потом пустить её себе в висок в случае засады или нападения кучки заражённых.

Заражённые. Или, как их называли религиозные фанатики — проклятые, были угрозой. Но угрозой без разума, логического мышления и оценки ситуации. Гораздо страшнее — это люди.

Мародёры, которые бродили небольшими кучками, нападая на отряды из бункеров и грабя их. Нужно ли мне объяснять, что я их даже не осуждал? И почему? Да потому что в мире, где за пачку обезбола тебя могли пырнуть в печень, такие понятия, как честность и справедливость, ничего не стоили. И каждый выживал как мог.

Кто-то предпочитал прятаться в убежищах, просить помощи у сильных. А некоторые не имели достаточно терпения и желания нянчиться, как мой брат: с больными, детьми, инвалидами или стариками, которые в их глазах являлись только обузой. А что если?.. Хм. Идея-то неплохая, но вот

реализация.

Я подумал о том, что мог бы присоединиться к одной из групп таких вот, так называемых, «Робин Бэдов», которые воровали и оставляли всё награбленное себе. Теперь я вписывался в их ряды как никто другой.

В нашем мире существует два способа стать такими. Первый — быть изгнанным из убежища за нарушение законов, и второй — добровольное скитание. Но, честно говоря, вторая категория — это полностью отбитые ребята без страха и инстинкта самосохранения. Психованные ублюдки, адреналиновые наркоманы, которые, вероятно, переиграли в приставку в своё время или пересмотрели сериалов про зомби-апокалипсис. Этакие персонажи с «синдромом главного героя», которые подражают любимым кумирам. Только вот они позабыли, что сюжетная броня в этом случае для них не предусмотрена.

Как только я вышел за порог убежища, меня окатило холодом. Кожа покрылась мурашками. Мне впервые было так страшно и одиноко.

Несмотря на гниющую обстановку в убежище, там по-прежнему можно было найти человеческое тепло. И я уже начинал скучать. Грохот тарелок и чашек во время ужина, громкие разговоры за столом, смех боевых товарищей — всё это сменилось на гнетущую ночную тишину и крики птиц.

Наш богом забытый город был на окраине леса. Вернее, это город, где проживали наши родители. Иногда мы приез-

жали к ним, чтобы навестить. Плотный график Эрика и моя учёба в юридическом институте постоянно мешали встретиться всем вместе. Как в былые времена. Но вспышка заболевания заставила Эрика забрать меня из студенческой общаги и привезти к родителям. Вернее...

Я слышал шаги. Такие тихие. Как будто за мной следили. Или это уже паранойя берёт верх над моим разумом? Игра на истощение. Мне пришлось прислушаться. Я богом могу поклясться, что слышал, как за моей спиной хрустнула ветка под чьими-то тяжёлыми берцами. Нужно было обернуться и проверить. Лишним не будет.

Мне снова захотелось вернуться в убежище. Я готов был сидеть в темнице, умолять Эрика о пощаде, лишь бы не оставаться на улице ни на минуту дольше положенного, где полно голодных и диких волков в человеческом облики.

Он дал мне пару недель на ожидание. И пускай я пафосно кричал о том, что не вернусь, если переживу это время — на самом деле я хотел назад уже сейчас.

Укус зудел. Не на поверхности, а там, глубоко внутри, под кожей. Как будто что-то расползалось по моим венам вверх, оседая где-то под рёбрами тяжёлой, тянущей болью.

Головная боль не отступала. Она становилась сильнее, пульсировала в висках так сильно, будто в них вбивали раскалённые гвозди. Я снял с плеча рюкзак, оглядываясь по сторонам. Вроде никого.

Брат позаботился обо мне и положил мне пачку medica-

ментов, которые по идее должны были снять эту чёртову боль. Ведь если её не купировать, идти дальше я не смогу. Помимо таблеток я нашёл ещё пару небольших бутылочек воды. Пить хотелось ужасно. Жажда — ещё один признак заражения. Чёрт. Слишком много «совпадений».

Идти дальше не было сил. Я решил присесть на одну из заброшенных машин, стёкла которой были выбиты, а ценные запчасти — изъяты. Сел на капот старого пикапа и закинул голову назад. Вот только боль пройдёт, и буду двигаться дальше.

По технике безопасности во время вылазок мы старались закрывать все части тела тканью. И руки тоже. Носили перчатки, которые сложно было прокусить человеческими зубами сразу. Но тогда я совсем позабыл о них. А сейчас-то за чем надел?

Боль утихала, но вот зуд... Зуд не прекращался. Казалось, под кожей рой насекомых, которые ползали и откладывали личинки в моём теле. Сорвав зубами перчатку с левой руки, я попятился назад.

Мерзкое, почти болезненное ощущение тошноты подступило к горлу. Укус сочился странной жидкостью, похожей на лимфатическую. Края были рваными. По-хорошему, мне нужно было, чтобы кто-то их зашил. Но кто в здравом уме полезет оперировать укушенного? Никто. Интересно, а если бы сразу после укуса я отрубил себе руку — это помогло бы? Думаю, нет. Кровоток разнёс бы заразу быстрее, чем я успел

бы принять решение об ампутации.

Помимо рваных краёв я заметил ещё кое-что. В темноте было не разобрать, но на ощупь... вены вздулись. Это ведь не то, о чём я думаю?

Покопавшись в рюкзаке, я нашёл небольшой фонарик. Всё-таки Эрик собрал мне добротный рюкзак. Интересно, что бы ему сказали остальные ребята, узнав, что он отправил меня за пределы убежища с настоящей сокровищницей за плечами?

Не Вайса, который много раз прикрывал их спины, а заражённого, укушенного, который по удивительной случайности всё ещё не сдох.

Ресурсы на исходе. Все это знали. И так разбрасываться ими было неразумно.

Я направил фонарик на свою руку. Чего? Нет... этого не может быть. От паники и непонимания руки затряслись. Фонарик с грохотом ударился о железный капот пикапа и закатился под машину.

Запястье было покрыто тонкой сеткой чёрных капилляров — врачи называли это «паутиной заражения». И, кажется, она только разрасталась, утягивая патоген глубоко во внутренние органы.

Значит, не суждено мне получить иммунитет, и Эрик всё-таки был полностью прав. Мой организм просто сильнее обычного, да и укус далеко от нервной системы. Не дошёл... Всего-то конечность.

Мои надежды и ожидания рассыпались на глазах в пух и прах. Я вспомнил о пистолете, который брат в спешке вручил мне перед тем, как закрыть ворота. Пистолет и несколько магазинов с патронами. Но, как я и говорил, мне, наверное, будет достаточно одной.

Глава 5 Дейзи

Вы когда-нибудь слышали выражение «привилегия красивых»?

Наверняка хоть раз да слышали. Вот только мало кто знает, как это работает на самом деле. А я вам расскажу.

В начале эпидемии таких, как я, были сотни, тысячи, десятки тысяч по всей стране.

Молодые практиканты с амбициями достичь высот в области иммунологии. И думаете, все мы пригодились? Всех нас взяла под своё тёплое и уютное крылышко правительственная компания по изучению патогена? А как же. Всё было ровным счётом наоборот. Мы не были нужны никому.

Поверьте, Штаты имели огромное количество специализированных врачей узких профилей, которые готовы были трудиться до изнеможения. И конечно же, они принесли бы больше пользы, чем студенты-дилетанты, которые вот-вот должны были выпуститься. Ни опыта, ни исследований, ни разработок. Ничего. Стоило ли говорить, что потому и цена нам была грош.

Я попала в Седьмой сектор. Всего их было десять, раскиданных по всей стране.

Несмотря на свою специализацию, я была здесь чужой. Частенько я ловила на себе недовольные взгляды коллег, тех самых опытных специалистов, которые вырвали зубами би-

лет на последний рейс в оплот цивилизации.

Они то и дело перешёптывались между собой. Причём делили это так откровенно и очевидно, что мне хотелось просто рассмеяться им в лица. И сказать: я прекрасно понимаю, что все эти насмешки направлены в мою сторону, гребаные ублюдки.

Вместе с цивилизацией назад откатились и женские права. Это больше не имело значения.

Начальник Седьмого сектора в очередной раз позвал меня к себе.

Это был здоровенный мужчина с огромным шрамом на груди, который я видела уже не единожды.

Я стояла у железной двери. Мне нужно было постучать, дать знать, что я пришла, что готова. Но рука всё никак не поднималась. Мне было мерзко от осознания того, что пришлось так низко пасть лишь для того, чтобы выжить.

Буквально слизывать грязь с ботинок, чтобы тебя не вышвырнули вон. Чтобы просто, чёрт побери, дышать свежим воздухом и не спать на помойке или в канализации в поисках убежища от плотоядных монстров-людоедов.

Здесь, как и в любом другом месте, были свои правила. Вот только для меня они немного отличались.

Нет, я, как и все коллеги, вовремя ложилась спать и просыпалась, проходила частые медицинские проверки и анализы, соблюдала все защитные методы при работе с патогеном и заражёнными. Но помимо общих правил было ещё

несколько. Написанных лично для меня. Самим Миллером.

Негласные правила, которые я выучила наизусть.

Покорность. Миллер ненавидел, когда ему перечили или открывали рот без разрешения или просьбы.

Соппротивление. Это то, за что он мог наказать — лишить еды, уютной комнаты с чистым матрасом. Закинуть на нижние уровни, где процент кислорода критически низкий.

Поверьте, кислородное голодание вперемешку с жаждой и голодом быстро дают о себе знать и ломают лучше любой пытки. Оказавшись внизу однажды, ты готов исполнять всё, лишь бы не оказаться там снова.

Также он ненавидел, когда его долго заставляли ждать. Потому я подняла руку и костяшками пальцев постучала в бронированную дверь.

Послышался скрежет замков и засовов, которые Миллер открывал один за другим.

— Пришла, — сухо произнёс Миллер, пытаясь поймать мой беглый и рассеянный взгляд в никуда.

Конечно, пришла, ублюдок. Как будто у меня был выбор отказаться.

Я предпочитала не смотреть ему в глаза. К счастью, это его не злило. Не хотелось бы, чтобы список правил пополнился ещё на один пункт.

Мужчина схватил меня за руку. Так крепко, что я невольно прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать. Ах, да. Крики он тоже не любил. В принципе любые звуки, которые мог-

ли вывести его из себя ещё больше.

Миллер долго не церемонился. Он жестом приказал снять одежду, и я послушно исполнила приказ, как делала множество раз до этого. Он любил полюбоваться моим худощавым телом перед тем, как приступить к главной трапезе. Нужно ли говорить, что прелюдия для такого человека, как Миллер, была пустой тратой времени?

Мужчина наклонил меня вперёд и пристроился сзади. Его любимая поза. Или, возможно, единственная, которой я была достойна. Но лучше так.

Я не хотела смотреть ему в лицо и не хотела, чтобы он смотрел на меня в такие моменты. На то, как гримаса злобы и ненависти искажает каждую мышцу на моём лице, как желваки ходят ходуном.

Я чувствовала глубокие толчки внутри себя. Мерзкие и неприятные телодвижения. Каждый раз я просто ждала, чтобы это побыстрее закончилось и я смогла уйти к себе в комнату. Предварительно смыв с кожи всю вечернюю грязь.

Я ещё не ужинала сегодня. Аппетита вовсе не было. Особенно после сожжения заражённого тела Айзека. И это к лучшему — потому что иначе наверняка оставила бы свой ужин у него на постели.

Всё, что я испытывала к этому мужчине — это ненависть, злость и лишь крохотную каплю благодарности за то, что он забрал меня к себе под крыло. На своих условиях. Но всё же.

Вот она — привилегия красивых. И мало кто задумывает-

ся, что за этими привилегиями стоит огромная плата ценой в собственное достоинство.

Глава 6 Эрик

Моя профессиональная броня трещала по швам.

Я видел, как фигура моего младшего брата отдаляется от убежища и чувствовал, как ему было страшно. Но ничем не мог помочь. Или заставлял себя так думать, чтобы чувство вины меня полностью не поглотило. Терять родных и близких страшно. Особенно, когда это твой родной брат.

— Эй, Эрик, это что там, Вайс?

Чёрт. Ну, конечно же, без свидетелей не обойтись. Мне срочно нужно было что-то придумать, чтобы отвлечь внимание и ни в коем случае не вызвать подозрений.

Майку, как и всем остальным, не стоит знать, что они прожили почти три дня под одной крышей с укушенным. Пускай это и Вайс. Наш Вайс.

— Да, ты прав. Это он.

Я старался сохранять спокойствие в голосе. Краткость — сестра таланта. Потому решил отвечать рублеными и короткими фразами. Без излишнего откровения.

— Эмм. Так. Погоди-ка. А что он там забыл? — Майк вскинул бровь, вглядываясь в силуэт Вайса по ту сторону баррикады.

— Отчитываться я не обязан.

— Я понимаю, Эрик. Прости. Но думаю, что я заслужил хотя бы короткое объяснение.

Я тяжело вздохнул, громко выдыхая через рот.

— Ну, слушай. Я отправил его на вылазку.

— Чего? Старина, что-то случилось? Ты никогда не отпускал Вайса одного. Да ты бы скорее сам пошёл в разведку голышом, чем отпустил бы брата в одиночку. Это что-то новенькое.

Господи, ну закрой ты уже свою пасть. Вот только сейчас мне не хватало его глупых расспросов о брате.

Я медленно повернулся к Майку, впившись в него тяжёлым, разъедающим взглядом.

— Ты прав. Так оно и было. Но Вайс уже давно не ребёнок. И я не смогу защищать его вечно. Появилась работёнка и для него.

Я выдержал небольшую паузу, полностью завладев вниманием Майка.

— Западный датчик периметра сработал дважды за последний час. Вайс проверит устройство. Если аппаратура в порядке, то это значит, что мародёры прощупывают нашу слепую зону.

Приходилось придумывать на ходу. Слова звучали так убедительно, что я и сам почти поверил в это.

— Если я отправлю небольшую группу, этот топот поднимет шум на всю округу. Вайс умеет ходить тихо. Он осмотрит квадрат и вернётся, как только разведает обстановку.

Майк нахмурился, переваривая информацию. Перспектива того, что вокруг нашего бункера прямо сейчас рыщут ма-

родёры, мгновенно остудила его пыл и желание до меня докопаться. Как я уже говорил — терпением меня обделили. И Майк испытывал его прямо сейчас.

— Понял. Усилить дозоры на внутренних постах?

— Не поднимай панику раньше времени, Майк. Держи людей в готовности, — отрезал я, проходя мимо него по узкому бетонному коридору. — Всё-таки это может быть случайный заражённый, который отбилсЯ от стаи, или дикая собака.

— Но вероятнее всего это мародёры, — Майк пытался продолжить разговор. Вот только я, блядь, планировал отправиться в свою комнату и немного отдохнуть. Но и игнорировать боевого товарища я не смог.

— Они начали сбиваться в кучи и обворовывать местные убежища. Небольшие и послабее.

— Я знаю. С нашим такого не произойдёт. Потому я и отправил Вайса. Будь спокоен.

— Понял, ладно, сообщу парням, чтобы сегодня не зевали на посту. Только увижу, что кто-то задремал — лишу завтрака.

— Делай как считаешь нужным, Майк.

Это последнее, что сорвалось у меня с губ, прежде чем я покинул коридор и направился в свою небольшую и неудобную комнатушку.

Это была небольшая капитанская берлога, которая по ощущениям стала ещё меньше. Стены сдавливали сознание.

Затхлый воздух мешал глубоко насытиться кислородом.

Я присел на кровать и задумался о том, правильно ли я поступил? Мог ли быть Вайс прав? К черту.

Несмотря на то, что я опекал его как маленького ребёнка, таковым он не являлся.

Высокий, с крепким телосложением и сильными руками. Вот только с лёгкими ему поработать, чтобы не выдыхался раньше времени, и смотри-ка, получилось бы что-то путное. Мог бы и в армии служить. Подле меня.

Я снял кобуру и положил её на небольшой прикроватный столик, углы которого были обшарпаны.

Вечерний ритуал. Раскладывать и складывать табельное оружие несколько раз. Такая вот головоломка — пазл для военных.

Я потянулся к пистолету, вспоминая, как минут тридцать назад дуло моего оружия было приставлено к затылку брата. Трус, да и только. Ведь только трусы могут стрелять в затылок.

Глава 7 Вайс

Тот, кто следил за мной, был или дилетантом-новичком либо же планировал, чтобы я его заметил и обратил внимание.

Если второе, то у него получилось.

Я поспешно натянул перчатку на руку, пытаюсь скрыть свой позор перед всем миром. Нечего пялиться. На бракованного урода, который и так вот-вот коньки отбросит.

Я инстинктивно потянулся к пистолету. Проверил его на исправность, снял с предохранителя. Один шаг, и этот ублюдок в кустах пойдёт на корм заражённому.

— Кто ты? Я вооружён, — осмелился я, держа пистолет в правой руке, положив палец на спусковой крючок.

Незнакомец не спешил показываться. Осторожничал. Правильно. Мне нечего терять. А ему видимо всё ещё было что.

— Покажись или проваливай давай! — сорвался я на крик.

Долго ждать не пришлось. Послышались тяжёлые вздохи и... смешок. Такой мерзкий, утробный смех. Как рык старой, полудохлой, бродячей псины на последнем издыхании.

Передо мной показался невысокий мужчина. Ну как невысокий. Как же его описать-то? Чтобы правильно выразиться.

Карликом его не назовёшь. Встречал одного такого ранее.

Но и до среднего или хотя бы минимального роста он не дотягивал. Ну, я бы сказал, что он больше карлик, нежели обычный человек. Что ж, пускай будет карлик-переросток.

Что ж, даже если осмелится напасть, то много сил тратить не придётся.

Мужчина оскалился. Как сумасшедший. Думаю, что он был именно из той категории, которая добровольно скитается снаружи.

Я направил в его сторону пистолет. Уж больно подозрительным он мне показался в моменте. Пускай знает, что одно неловкое движение, и я прострелю его башку. И глазом не успеет моргнуть.

— Эй, ты кто? Я долго ещё спрашивать буду?

— Тот, кто снимет с твоего трупика этот тяжёлый рюкзак, набитый чем-то ценным и полезным, пацан. Опустит пушку. Оружие детям не игрушка.

Какой наглый мужик всё-таки. Неужели не понимает, что моя пуля быстрее его коротких ножек. Нет. Тут что-то другое.

Раз он так смело общался со мной, наверняка пришёл не один. Привёл с собой целую банду? Прячутся где-то? Что ж, патронов хватит на всех. А меткости мне не занимать.

Я прислушался к окружающим звукам, полностью игнорируя мужика, который явно пытался меня отвлечь.

Где же ты? Сзади? Я соскочил с капота и резко обернулся, направив дуло пистолета в противоположную сторону.

Бинго.

Всего лишь в нескольких метрах от меня затаился тёмный силуэт. Он был гораздо крупнее и выше мужичка, который оказался приманкой. Вот только ловушка захлопнулась, а добычи внутри не оказалось. Какая досада.

— Могли что-нибудь и поинтереснее придумать, — оскандился я, пытаюсь одновременно следить и за тёмным силуэтом впереди, и периферийным зрением не упустить карлика из вида.

— А ты хорош.

Тёмная фигура приближалась ко мне. Медленно, как будто прощупывая грань дозволенного и моих личных границ.

Я не убирал палец со спускового крючка. Мне было не впервой стрелять в людей. Да, именно в людей, не заражённых с кашницей вместо мозгов, а в разумных людей, которые ровным счётом от меня не отличались. Вынужденная мера, на которую мы решились, чтобы защитить своё убежище от ненасытных мародёров, которые то и дело кружили как стервятники вокруг да около.

— Мы проследили за тобой от самого начала, Вайс. Тебя ведь изгнали, не так ли?

— Не ваше дело! — выкрикнул я, покрепче сжав оружие в руке.

— Тебя вышвырнули, бросили. На произвол судьбы. Как и многих из нас. Мне вот только интересно, чем ты провинился, что даже собственный брат решил от тебя избавиться-

ся. Наверняка что-то ужасное. То, что не заслуживает прощения. Я прав?

Нет. Всё совсем не так.

Я себя убеждал в том, что это вынужденная, временная мера безопасности, и после пары недель Эрик впустит меня обратно. Извинится, и всё будет как прежде. Мы будем и дальше бороться за остатки человечества. Вместе. До последнего вдоха. А пока мне просто нужно было потерпеть. И пережить эти пару недель.

Но я не мог понять одного. Откуда он знает моё имя и то, что именно мой брат заправлял убежищем? Переговоры с мародёрами мы не вели. Так откуда ему было знать?

Мужчина сделал ещё один шаг вперёд, медленно поднимая руки вверх. Пытаясь показать, что он безоружен или, по крайней мере, не пытается решить этот разговор силой.

Он опустил капюшон, и я замер. Это же...

— Привет, Вайс. Давно не виделись. Как там Эрик? Живой-здоровый?

Я не мог поверить собственным глазам. Это был Райан. Боевой товарищ Эрика.

Его родители имели дом поблизости от нашего. Всё детство они провели вместе. Потом армия, служба.

Даже в тот день, когда эти врата ада открылись на земле, по счастливой случайности они оказались в одном городе.

— Ты... — всё, что я смог сказать.

Но теперь вопрос заключался в другом: чего ему надо от

меня? Мести? Отомстить за решение Эрика? Или же переманить на свою сторону? Или ещё что похуже?

После смерти годовалого ребёнка, которого заживо сожрала его собственная заражённая жена, психика Райана пошатнулась. Эрик был его якорем. Мостом, который удерживал его больное сознание от безумия. Но время шло, а ему лучше не становилось.

Я пытался вспомнить, за что же Эрик его прогнал. А когда воспоминания нахлынули, меня чуть не вырвало.

Точно. Как я мог позабыть о том, что он решил добить старика и предложить его мясо нам. В голове проносились его безумные слова «Не пропадать же добру».

Боже. В убежище у него были связаны руки. Но здесь, на воле, где отсутствовали любые кодексы и правила, он мог делать всё, что угодно.

Вседозволенность, власть, анархия и хаос.

Я всё так же пытался следить за этими двумя. И за руками Райана, разумеется. Только, блядь, потянись к карману, и я засажу тебе пулю между глаз. Себя сожрать я не дам. Уж точно не сегодня.

— Ну так что. Теперь ты, как и я? Изгнанник.

Я молчал, пытаюсь совладать с накатывающей волной боли в правом подреберье. Чёрт. Я же выпил обезболивающее.

— Понимаю. Тебе нужно время, чтобы смириться со своим новым статусом. Но знаешь, быть мародёром ничем не хуже, чем жить внутри убежища. Поверь мне на слово.

— И чего же ты хочешь от меня?

Ненавижу длинные предыстории. Особенно когда за ними следует просьба или одолжение, которого от меня ждут.

— Каким бы ловким и крутым бойцом ты ни был, выжить в одиночку невозможно. И я предлагаю тебе вступить в мой отряд. Нас всего четверо. Ты будешь пятым. Присоединяйся.

— Да? И всё так просто? А как же посвящение новичка?

— Вайс, ты что, фильмов пересмотрел?

— Не, ну знаешь. Многие мародёры бегают с битами, утыканными гвоздями или обмотанными колючей проволокой. Сечёшь, к чему я веду?

— Да. Я понимаю.

— Неужели? И какие у вас правила?

— Мы снаружи, Вайс. Первое правило этого мира — отсутствие правил.

— Вот оно что, — я держал его на мушке. Так и норовил пристрелить этого уроды.

— Хотя, есть у нас одно правило. И оно гарантирует нам выживание.

— Что за правило то?

— Делиться всем со всеми.

Он указал рукой на рюкзак за моей спиной. Ну конечно же, сука. Куда же без этого.

Глава 8 Дейзи

Мне пришлось открыть глаза. Будильник всё никак не унимался и звенел прямо в ухо. Я отбросила его в сторону. Но даже после падения это адское устройство не замолчало. Не знаю, кто стоит за созданием будильника, но надеюсь, у него отдельный котёл в аду.

Как оказалось, я опаздывала. И это было нехорошо. Ой как нехорошо.

Я поспешно натянула на себя форму и выбежала в коридор. Пусто. Никого. Все уже заняты делом, кроме меня.

Трудоголики ещё те. Был ли в этом смысл вообще? Если в конечном итоге запасы сойдут на нет и мы все умрём если не от заражённых, то от голода. Жили бы себе в удовольствие, и только.

Мне кажется, у каждого человека появлялись мысли, что у него внезапно обнаружили неизлечимую болезнь или же онкологическую опухоль на последних стадиях. И вот я тоже такое представляла. Как мне говорят: «Вам остался всего лишь месяц жизни». И этот месяц я отжигая в клубах, трачу все свои сбережения, встречаюсь с родственниками и друзьями, которых могла случайно обидеть. Закрываю дыры и ставлю точки над и.

Нанимаю себе стриптизёров, чтобы запечатлеть в памяти, какие у мужчин могут быть прекрасные тела. Кхм. Чисто с

точки зрения анатомии, конечно же.

Я вбежала в палату, где практически все мои коллеги выстроились в ряд и внимательно слушали Миллера. Никто не смел даже чихнуть или громко вздохнуть, не то что перебивать его. И тут появляюсь я, нагло ворвавшись посреди его речи.

Мужчина резко осёкся и перевёл на меня хмурый, не предвещающий ничего хорошего взгляд.

— Хм, а вот и доброволец, — улыбнулся он.

Доброволец? Меня передёрнуло. На заднем плане через бронированное стекло я заметила пожилого мужчину, который сидел в медицинском кресле, ожидая аудиенции.

Новый пациент? Заражённый? Что им сделал этот старичок? В голове я уже рисовала ужасные картины расправы над этим мужчиной, который так спокойно смотрел по сторонам. И не догадывался, на что эти твари способны. Он походил на глупую овцу на скотобойне среди стаи голодных волков.

— Извините за опоздание.

Я всё ещё не могла отдышаться от бега. Миллер тяжело вздохнул. Нехорошо. Плохо. Я бы сказала, херово.

Он открыл рот и тихо, спокойно продолжил речь. Вернее, начал её с самого начала. Специально для меня.

— Перед вами мужчина, пятьдесят девять лет. Он утверждает, что несколько месяцев назад был укушен.

Я удивлённо приоткрыла рот, наблюдая за Миллером, который прохаживался из стороны в сторону.

— Как мы уже знаем, инкубационный период длится не более двенадцати часов. После наступают первые симптомы, которые развиваются стремительно быстро. Но этот объект клянётся, что после появления некоторых симптомов он не обратился в чудовище.

— Нужно его исследовать! — выкрикнул один из иммунологов, заинтересованно всматриваясь в прозрачное окно стерильной комнаты.

— Что мы, собственно, и собираемся сделать. Дейзи, дорогая. Будь так добра. Возьми у него несколько пробирок крови. Сделаем первичный анализ. А также проверим реакцию иммунной системы на патоген.

Так вот что он подразумевал под словом «доброволец». Вот тебе и наказание. Я перевела взгляд с Миллера на старика. Что? Он не был связан по рукам и ногам.

Спокойно рассиживал в кресле, явно начиная скучать. Я хотела возразить и сказать, что это не по технике безопасности, что я туда не войду, пока его надёжно не зафиксируют, но Миллер тут же заткнул меня тяжёлым взглядом, вручив поднос со стерильными шприцами и пробирками.

— Вперёд, — шёпотом добавил он. И этот шёпот давил на меня сильнее любого крика.

Я буквально заново училась ходить, переставляя ноги медленно и неуверенно, делая небольшие шажки.

Громила, который сторожил стерильный бокс, открыл дверь передо мной, приглашая войти. Я затаила дыхание и...

сделала первый шаг. Это ощущение... как будто я загнанная в ловушку дичь, дожидаящаяся своего часа.

Старик, заприметив меня, мило улыбнулся и помахал рукой. Я невольно вздрогнула и уставилась в сторону стекла. С нашей стороны это была зеркальная поверхность. Но Миллер мог наблюдать за нами. За каждым нашим действием.

Я решительно выдохнула. Я сделаю это.

— Извините, мне нужно у вас взять несколько пробирок крови на анализ. Вы не против?

Был ли он против или нет, значения не имело, но я попыталась смягчить углы и найти к нему подход, дабы он остался в стабильном состоянии подольше.

Мужчина закатал рукав, и я почти что ужаснулась.

Рванный укус, который выглядел одновременно свежо из-за выделяющейся лимфы и старо из-за того, что края начали затягиваться, поразил меня настолько, что я едва не выронила поднос с инструментами. Нельзя было давать слабинку. Тем более, когда на меня смотрел этот чёрт. Миллер.

Я подошла к мужчине, подготавливая жгут, ватные тампоны, смоченные в антисептике, и шприц со сменными пробирками.

— Конечно, дорогая.

Я натянула стерильные перчатки, умоляя себя случайно не уколоться.

— Я надеюсь, что это поможет вам выяснить причину болячки и помочь остальным.

— Я тоже.

— Ведь это так важно, правда?

— Да, это первостепенная задача, над которой мы работаем.

— Ну и славно. Рад служить Америке.

Закончив со всеми пробирками, я направилась к выходу быстрым шагом, почти что бегом.

Паутина на его руке свидетельствовала о том, что он заражён. Вот только как, чёрт возьми, он до сих пор не превратился в то, что верующие называют проклятыми душами?

Глава 9 Дейзи

— Ну, что там? Нашла что-то интересное? — спросил Итан, отодвинувшись от микроскопа.

— А сам-то? — нахмурилась я, не отрывая взгляда от окуляров.

— Ни антител, ни вируса. Ничего.

— Уверен? А это тогда что, по-твоему?

Итан был рассеянным. Проблемы с концентрацией, дисциплиной, а также с тем, чтобы вовремя заткнуться, делали из него полнейшего оболтуса. Он попал сюда лишь благодаря протекции Миллера. Как и я... Но, в отличие от меня, ему не приходилось держать постель Миллера тёплой. Этому сукиному сыну просто-напросто повезло.

Я внимательно изучала частицы, доказывающие, что патоген всё-таки присутствовал в крови старика. И нет, это не просто аномальный макрофагальный профиль. Это биологический след.

Сам патоген поражал нервную систему, но помимо этого выделял токсин, который отравлял внутренние органы, медленно их разрушая. И мне удалось найти следы токсина. Едва заметные, но этого было достаточно.

Даже если допустить, что у мужчины выработался иммунитет, нам бы это никак не помогло. Потому что, как и сказал Итан, в его крови не было найдено ни одного действующего

щего антитела, которое мы могли бы выделить для дальнейших исследований.

— Я хочу подробно изучить его лимфатическую систему и лейкоцитарную формулу. В частности, макрофаги — их количество превышено в несколько раз.

— Как знаешь. А я планировал сходить перекусить. Немного проголодался.

Как он вообще мог думать о жратве, когда к нам попал столь уникальный объект? Да, мы больше не называли их пациентами или заражёнными. Официально они были лишь объектами с кодовыми номерами. Стоит отметить, что патоген являлся крайне необычной формой жизни. Ни бактерией, ни вирусом — чем-то средним, объединяющим в себе черты обоих представителей.

— Нашёл время для еды. Сиди, работай и приноси пользу.

— Сейчас весь отдел только этим и занимается. Ничего не случится, если я отойду на полчаса. Да и вообще, на голодный желудок плохо думается.

— Твои мозги и полное брюхо не спасёт, — съязвила я, пялясь в микроскоп в попытках найти что-то ещё.

Итан не удостоил меня ответом — лишь пожал плечами и покинул лабораторию. В одном он был всё-таки прав: весь сектор сейчас занимался изучением этого мужчины, отложив даже свои излюбленные пытки и вскрытия заражённых трупов. Все врачи, иммунологи и микробиологи трудились без сна, пытаясь нащупать ту самую ниточку, которая при-

ведёт к спасению.

Потому я тоже, как и Итан, могла бы спокойно заниматься своими делами, параллельно имитируя рабочий вид, изображая заинтересованность в изучении.

Помимо работы здесь мало чем можно было заняться, но я бы занялась чтением. На полке накопилось несколько книг, которые я просила у Миллера достать для меня, при возможности.

Но мой профессиональный азарт не давал мне покоя.

Если я сделаю это... Если раскрою тайну его тела и то, как именно патоген воздействует на организм — меня ведь должны заметить? И тогда, возможно, мне больше не придётся развлекать Миллера каждый раз, когда ему становится скучно.

— Как успехи?

Надо же. Стоило только вспомнить — и он тут как тут. Погрузившись в свои мысли, я даже не услышала, как тихо отворилась дверь. Миллер стоял на пороге. Скрестив руки на груди, он сверлил меня пронзительным взглядом.

Я тяжело сглотнула и отстранилась от микроскопа. Рядом с этим человеком приходилось тщательно выбирать не только выражения. Я контролировала всё, вплоть до собственного дыхания. Я боялась лишний раз громко вздохнуть или отвести взгляд в сторону.

— Мне нужен доступ к объекту, — осмелилась я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее.

— Зачем? — сухо бросил он, сокращая дистанцию.

Его тяжёлые, огромные руки легли мне на плечи. Пальцы слегка сжались. Меня передёрнуло — не от самого прикосновения, а от осознания того, что самый опасный и влиятельный человек в бункере сейчас нависает надо мной. Как хищник, он бдительно ждал моей ошибки, чтобы вцепиться в горло и уничтожить. Поглотить целиком.

— Я хочу детальнее изучить его. Лимфатические узлы. Возможно, потребуется пункция.

— Этим уже занимаются другие люди.

— Другие люди?

Я так и не осмелилась повернуться к нему лицом, хотя отчаянно этого хотела.

— Да. Находиться с ним в одной комнате небезопасно.

— Миллер, но ведь вчера ты отправил меня к нему. Одну.

— Разве я похож на идиота?

Его голос лязгнул металлом, а пальцы впились в мои плечи ещё сильнее. Я прикусила уголок нижней губы, чтобы не закричать от боли.

Я прекрасно знала этот тон. Он начинал злиться. Всё, что мне сейчас оставалось, — это затаить дыхание и просить прощения.

— Прости. Нет... нет, конечно, не похож. Я не это имела в виду.

Мне приходилось унижаться и оправдываться каждый раз, даже если я не сделала ничего плохого.

Хватка Миллера немного ослабла. Он тяжело выдохнул и принялся лениво наматывать прядь моих волос на палец.

— В изоляторе есть не только встроенные огнемёты для утилизации объектов после исследований, Дейзи. Там также стоят датчики движения и турели на дистанционном управлении. Пульт от которых, как ты понимаешь, всегда у меня. Если бы старик хотя бы дёрнулся, я бы открыл огонь. Ты была в абсолютной безопасности. Под моим полным контролем. В этом месте ни одна заражённая тварь не открывает пасть без моего приказа

Забавно. Я бы даже умилилась такой заботе, не знай, в какое чудовище он превращается по ночам. Пришлось выдавить из себя притворную улыбку и протолкнуть сквозь зубы слово, которое едва не застряло в горле.

— Спасибо, Миллер.

— Пожалуйста, Дейзи.

— Но мне всё-таки очень хотелось бы поработать с этим объектом вместе с остальными.

— Вот как? Я подумаю над этим. А пока продолжай копаться в образцах крови. Если найдёшь что-то стоящее, положишь мне в первую очередь.

— Да, сэр.

— Хорошая девочка. Зайдёшь ко мне сегодня вечером?

Его вопрос прозвучал исключительно риторически. Он прекрасно знал, что я приду. Я отчётливо помнила день, когда осмелилась остаться в своей комнате. После того... я все-

гда приходила.

Выбора у меня не было, и эта фраза была лишь очередной издёвкой, призванной растоптать те жалкие остатки достоинства, что у меня ещё сохранились.

— Да, сэр.

Он погладил меня по голове, словно послушную собачонку, и удалился из лаборатории, оставив после себя лишь густое, удушливое чувство безысходности и глубочайшего отращения к самой себе.

Глава 10 Вайс

Я попятился назад, стараясь не показывать, что мне чертовски херово. Они ведь как дикие шакалы или стервятники. Только и ждут, когда я дам слабинку.

Мне меньше всего хотелось связываться с подонками вроде них. Особенно с Райаном. Этот оскал, как у голодного волка, который вот-вот захлопнет пасть...

Чёрт. Что же делать?

Я по-прежнему держал одного из них на мушке. Если и подышать, то с уверенностью, что я смогу потащить кого-то за собой в могилу.

Мародёры не меньше, чем сами заражённые, загрязняли и так погрязший в дерьме и хаосе мир.

— Ну так что, парень? — обратился ко мне Райан. — Даже таким отбросам, как мы, нужно держаться вместе. Тебе не обязательно подышать в одиночку.

— Я и не собираюсь подышать, — выпалил я.

Джекпот, только наоборот. В первый же день нарваться на мародёров. Эрик, чёрт бы тебя побрал.

— Думаешь, ты особенный? Не такой, как все? — рявкнул коротышка, явно теряя терпение.

Райан, как и этот одноглазый урод, стоял неподвижно, но я отчётливо слышал шаги. Скрип подошвы. Совсем недалеко. Они не одни.

Райан был сумасшедшим ублюдком, но не идиотом. Вряд ли он стал бы рыскать посреди ночи в одиночку.

Очевидно, что он притащил с собой своих шавок. Если не всех, то какую-то часть. И, смотри-ка, как им повезло. Целый рюкзак с сокровищами, который почти уже принадлежал им.

Я медленно опустил пистолет, по-прежнему держа палец на спусковом крючке.

Коротышка победно хмыкнул и сделал шаг вперёд, но Райан остался неподвижен. Его прищур стал лишь острее, оценивая мою капитуляцию.

Рано радуешься, урод.

— Нет. Не особенный, — хрипло произнёс я, заставляя свой голос звучать максимально устало и сломлено. Я убрал палец со спускового крючка. Но был готов в любой момент выстрелить, если это понадобится.

— Ты умеешь убеждать. В одиночку в этом лесу мне и правда конец. У меня в рюкзаке есть припасы. И немного медикаментов. Я готов поделиться. Если вы готовы принять меня. И без старых обид.

Я намекнул на его изгнание по приказу моего старшего братца, чтобы здраво оценить ситуацию и то, насколько сильно ему на самом деле хочется меня прикончить. Но на его лице не дрогнул ни один мускул. Как камень, он пялился. Сквозь меня.

Я чуть приподнял свободную руку в жесте примирения. Мне просто нужно было выжить. Выторговать у смерти ещё

немного времени. Рискнуть.

Райан дважды ударил кулаком по кузову старого пикапа. Из-за угла показались ещё три наглые, жадные мародёрские рожи. Грязные, давно не мытые. Я мог только представить, какая от них вонь, стоит подойти ближе чем на метр.

Райан быстро с ними переглянулся. Оскал снова вернулся на его морду, но теперь в нём читалось самодовольное торжество.

— Мудрое решение, пацан. Твой братец всегда говорил, что ты сообразительный. Добро пожаловать в стаю.

— Спасибо.

Одному Богу известно, сколько усилий мне пришлось приложить, чтобы выдавить это слово вместо того, чтобы плюнуть ему в лицо. Ну, ничего. Посмейся. Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Я бросил рюкзак в сторону коротышки. Пускай берут всё. Райан посмотрел на моё оружие, которое я поставил на предохранитель и спрятал.

— Не смотри так. Я отдал вам всё. Оружие оставляю себе.

— Идёт.

Он быстро согласился и даже не стал со мной спорить. И что-то в этом слове было не так. Как будто вместо «идёт» он имел в виду «Ну, посмотрим. Это пока что».

Одноглазый карлик полез в рюкзак, оценивая содержимое. Глаза его заблестели в неподдельном восторге. Первым делом его взгляд зацепился за запечатанное печенье в бле-

стящей фольге. Зубами он разорвал упаковку. Ему было невтерпёж.

— Так вот какие харчи у вас в убежище. Может, сходишь и принесёшь нам ещё?

Наглости ему не занимать. Но и я за словом в карман не полезу.

— Может, сходишь сам? Постучишься в дверь к моему брату и вежливо попросишь?

— Че сказал? — он почти давился, жадно поглощая печенье.

Небрежно мужчина стряхнул крошки с одежды и выпучил на меня свои глаза. Вернее, один глаз.

— Угомонитесь. Теперь мы одна огромная и дружная семья, — вмешался Райан.

Как истинный вождь, который держался за призрачное звание лидера или даже альфы стаи одичалых варваров.

— Вайс. Раз уж ты пополнил наши ряды, это стоит отметить. Не находишь? Расслабься. Выдохни ты, парень, — он похлопал меня по плечу.

Так, как это делают друзья, которые знают друг друга не один год. И мне это очень не понравилось. Я позволил ему подойти близко. Слишком близко. Но всё, что я мог, — это стоять и улыбаться ему в ответ. Потому что помимо Райана за мной наблюдали ещё четыре пары глаз.

Одно неловкое движение, и я труп. А зная предпочтения Райана — ещё и закуска.

— Да, давайте покажем пацану, как у нас всё происходит.

Нужно ли мне объяснять, что я не хотел ни того, чтобы они что-то там отмечали, ни видеть, как у них всё происходит на самом деле.

Я был по уши в дерьме. Единственное, что меня радовало, так это отступившая боль.

— Для такого случая я приберёг бутылку хорошего виски. Нам всем стоит отдохнуть. Ведь, знаешь, даже дьявол в аду берёт выходной, чтобы пропустить стаканчик. Чем мы хуже?

Мужики в один голос захохотали над шуткой жожака, параллельно беспощадно потроша мой рюкзак.

— Раз ты настаиваешь, то давай отметим, — натянуто согласился я, улыбнувшись.

— А вот это уже по-нашему. Уверяю тебя, ты не пожалел, что присоединился к моей группе, Вайс.

Глава 11 Эрик

Ни контрастный душ, ни чтение перед сном, ни даже моя привычка собирать и разбирать табельное оружие не справились с тем, чтобы усыпить мой воспалившийся разум.

Дать ему отдохнуть и нормально переварить всё накопившееся дерьмо за вчерашний вечер.

Я уснул под утро. Поспал от силы часа два или три. А виной тому — навязчивые мысли.

Физически я был по-прежнему здесь, но мысленно... сна-ружи... с братом. Ни на минуту я не прекращал думать о нём.

Проснулся разбитым и подавленным, как будто по мне несколько раз прошёлся поезд. Очередной прожитый день. В коробке, которая была больше похожа на гроб, нежели на уютную комнату.

Я прекрасно понимал, что мне стоит что-то придумать прежде, чем я выйду за пределы этой комнаты. И желательно что-то убедительное и правдоподобное.

По поводу Вайса все будут задавать вопросы. Глупые вопросы. Которые я уже заранее ненавидел. Где он? Когда вернётся? Что случилось? Почему я вдруг решил отпустить брата одного, ночью?

Вайс всегда был слишком шумным, чтобы его отсутствие не заметили. Это станет всем понятно в первый же день.

В дверь постучали. Требовательно. Настойчиво. Я взгля-

нул на наручные часы. Было полседьмого утра. Какого чёрта? Кому не спится в такую рань?

Я подумал, что если проигнорирую незваного гостя, то он уйдёт. Но ублюдок упорно продолжал долбиться в дверь. Так мог стучать только один человек в нашем бункере. И её я хотел видеть меньше всего на свете.

— Что? — открыв дверь, я уставился на недовольную мордашку Стейси, которая держала в руках папку с бумагами.

— Что значит «что»?

Она бесцеремонно ворвалась в комнату, задев моё плечо, и бросила папку на стол, не скрывая раздражения и недовольства.

— Ну и где он? — Стейси достала из кармана пачку сигарет и небольшую коробочку со спичками. Потянула одну к губам. Я тут же вырвал сигарету из её рта до того, как она начала смолить в моей комнате, как паровоз. Девушка прекрасно знала, что у меня аллергия на никотин, но её это никогда не останавливало.

— Где кто? — я потёр глаза от усталости и недосыпа, пытаясь собрать мысли воедино.

— Где Вайс? Сегодня первое число. Он обещал помочь мне с инвентаризацией медикаментов в аптеке.

Инвентаризация. Точно. Правило для медблока, которое я лично ввёл для того, чтобы контролировать количество нужных препаратов.

— Первое число. Я помню.

Она смотрела на меня пристально, как будто уже заподозрила что-то неладное. Так и норовила достать сигарету, чтобы получить свою дозу никотина и мой выговор.

— Ну так что? Где доброволец?

— В этот раз тебе самой придётся этим заняться.

Стейси уселась на стул, закинув свои грязные ботинки на стол. Её мародёрские привычки остались при ней. Но и без этой несносной девчонки мы не могли, так как она была единственным человеком хоть с каким-то медицинским образованием в нашей небольшой общине на двести пятьдесят одного человека... уже двести пятьдесят.

Я смирился со списком её требований: личная комната с душевой, дополнительная порция в столовой и, конечно же, сигареты, которые мне стало всё труднее и труднее находить. Но без них эта заноза в заднице отказывалась работать. Как бунтующий подросток.

— Почему это? Я и так пашу как проклятая, потому что ты никак не можешь найти кого-то мне в медблок. Так ещё и инвентаризацию самой проводить? Ты хоть знаешь, сколько времени потребуется, чтобы всё пересчитать?

— А ты куда-то спешишь?! — Я слегка повысил голос. Стейси не обратила внимания. Никогда не обращала. Одному богу известно, что с ней случилось до того, как мне удалось затащить её в убежище. А делиться подробностями своего прошлого она не желала.

Всё, что о ней было известно, — это то, что Стейси была частью одной из мародёрских стай в соседнем городе. Дикая, непредсказуемая, неконтролируемая чёрная пантера, которую я кое-как приручил.

Но утверждение, что я её контролировал, было лишь иллюзией, в которую я заставил поверить себя и всех остальных. Пришлось рискнуть. В любом случае мы передохли бы, если не от заражённых, то от любой другой инфекции. Стейси это прекрасно знала, поэтому частенько пользовалась своим положением, играя на моих оголённых нервах.

— Так где этот мелкий?

— Он снаружи.

— Вот оно что.

Стейси почесала кончик носа, поправила сползшие на переносицу очки, а затем громко рассмеялась, как будто я рассказал самый смешной анекдот в её жизни. Она показушно схватилась за живот в порыве неконтролируемого смеха. Я стоял неподвижно, скрестив руки на груди. Смешно не было. От слова совсем.

— С кем? Когда?

— Послушай, Стейси. Несмотря на твою незаменимость, ты должна соблюдать порядок и устав. Я не обязан отчитываться. Тем более перед тобой.

— Тогда и я не обязана задерживаться в этом месте ни на минуту дольше. Ты для меня не авторитет, Эрик. Если я спрашиваю, то значит хочу знать всё. Где Вайс? — съязвила

она, демонстративно опрокинув папку с документами ногой на пол.

Я тяжело выдохнул. Не авторитет, значит? Ладно. Плевать я хотел. Как будто меня это волновало. Её уважения не требовалось. Всё, что мне было от неё нужно, — так это чтобы она лечила людей и правильно назначала медикаменты, следила за медблоком.

Стейси была мне нужна. Нам нужна. В противном случае я бы давно выставил девушку за дверь. Её постоянные выходы подрывали мой авторитет перед людьми, которых я защищал. А это было недопустимо. Немыслимо.

— Я вчера отправил его ночью проверить периметр. Датчики движения уловили какой-то сигнал. Нужно было проверить.

— Ну и что? Проверили? — Не знаю. Я отправил Вайса одного. И он пока что не вернулся.

— В жизни ничего абсурднее не слыхала.

Стейси зажгла спичку и смотрела на пламя, которое медленно сжигало тонкую древесину, подбираясь к её пальцам.

— Ты никогда не отпускал его одного за пределы убежища. Если шёл Вайс, то значит, шёл и ты, Эрик. Без исключений. Так что не держи меня за идиотку. Ладно? Оставь эти прелюдии для своих тупоголовых вышибал. Мне же нужна правда. Что между вами случилось на самом деле? Что он натворил?

Глава 12 Эрик

Эта дикая и непокорная женщина вытрясла бы из меня всю душу, если бы захотела. О таких говорят: «Она и мертвеца из могилы поднимет».

Мне пришлось ей рассказать. И я рассказал. Всё рассказывал. До последней детали. Стейси дослушала до конца. Внимательно, не перебивая. Впервые. Чтобы ничего не упустить.

— Поэтому я... и выставил его за порог... чёрт, — наконец закончил я, вывалив на неё и предысторию, и то, как увидел укус, и как приставил оружие к его затылку. И даже то, как у меня предательски дрожали руки, почему я не смог выстрелить в собственного брата и вместо этого выставил его за пределы убежища, не придумав ничего получше.

Стейси смотрела на меня, не моргая. Как на полнейшего идиота, на кусок дерьма. Её брови поползли вверх, а глаза расширились от ужаса. Мне показалось, что всё это время, пока я говорил, она и вовсе не дышала. Как фарфоровая кукла, девушка лишь слегка приоткрыла рот. Но, казалось, слова застряли в её горле. Или она просто пыталась подобрать для меня подходящее оскорбление.

Между нами повисла тишина, которая не предвещала ничего хорошего. Я хотел, чтобы она сказала хоть что-то. Закричала, ударила меня в грудь, отвесила пощёчину и назвала ублюдком. Но она просто молчала, уставившись на меня, как

будто перед ней был вовсе не я. Кто-то другой. Незнакомец. Тот, кого она больше не узнавала. Узнавал ли я сам себя? Не знаю.

— Стейси? — я не смог выдержать. Заговорил первым. Тишина давила на барабанные перепонки громче, чем отчаянный крик. Боже, просто скажи уже хоть что-нибудь. Раньше эта женщина сводила меня с ума своей излишней болтливостью, наглостью и дерзостью. Но сейчас я был готов умолять её сказать мне хоть слово.

Наконец Стейси тяжело выдохнула. Как будто ожила после долгого сна.

— А теперь вопрос. Почему? Почему ты не сказал об этом мне, дубина тупорылая?

— У меня не было времени, чтобы посоветоваться с кем-то ещё. И я не знал, не мог знать, как отреагируешь ты или... другие.

— Отреагируем? Ты, блядь, вышвырнул его на улицу! Что может быть хуже?! — наконец Стейси сорвалась, повысив на меня голос. Пусть.

Я молча опустил голову, разглядывая свои грязные, потрёпанные ботинки. Паршивые ощущения. Как будто мне снова двенадцать, я стою у порога своего дома, а мама отчитывает меня за то, что я сделал что-то не так, ошибся и расстроил её. Мне очень сильно не хотелось её огорчать. Я всегда пытался извиниться после, чтобы она ни в коем случае не злилась. Мне были ненавистны те дни, когда она ходила

с поникшей головой и потухшим взглядом. Я ведь не со зла. Просто так получилось. Просто я испугался. Всё можно исправить. Никогда не поздно, мам.

— Эрик?! Ты меня вообще слушаешь? — Стейси вернула меня в реальность, схватив обеими руками за шиворот рубашки. Она мне что-то рассказывала? Читала лекцию? Наверное...

— Прости, я... да. Да, я слушаю.

— Не похоже.

Стейси продолжала держать меня за шиворот. Наши лица были в нескольких сантиметрах друг от друга. На мгновение мне стало некомфортно, но её явно не волновало моё замешательство. Девушка лишь хмыкнула и оттолкнула меня в сторону. И я заметил жест, который она раньше никогда не демонстрировала. Стейси показательно вытерла ладони о штаны. Ей что, стало противно меня касаться?

— Эрик, — начала Стейси, усевшись на стул и широко расставив ноги. — Прошла всего лишь ночь. Он может быть всё ещё жив. Мы должны его найти. Я просто поверить не могу, что ты сделал это, ни с кем не обсудив. Тоже мне лидер.

Мне было стыдно признаться, но я струсил, как мальчишка.

— Я испугался. Понимаешь? Я просто чёртлов трус.

Взрослый мужик, а пытаюсь найти оправдание. Но была одна маленькая проблема: я совершенно позабыл, кто сидит передо мной. Стейси было глубоко плевать на мои оправда-

ния.

— Испугался? — она хмыкнула, смерив меня презрительным взглядом. — Испугался, блядь. А ты подумал, как будет страшно ему? Одному. Вне бункера, где если не зомбари, так мародёры сдерут с него семь шкур. Не смей говорить о том, как тебе было страшно.

— Я не боялся за себя. Ты что, не понимаешь? Не забывай, что я несу ответственность за всех вас!

— И что? Если страх толкает тебя на то, чтобы принимать поспешные и неправильные решения, то, может, ты и вовсе не годишься в лидеры. И тебе пора на пенсию?

Эти слова ранили меня в самое сердце. Нет, не ранили. Она бесцеремонно вскрыла мою грудную клетку и живьём вырвала оттуда сердце.

— Я ошибался. Все ошибаются, Стейси. Я такой же человек, как и вы! Как и ты! Из плоти и крови. Я не сверхчеловек. И я не сверхразум. Я всего лишь...

Девушка зажгла ещё одну спичку, наблюдая за пламенем, которое медленно поедало древесину.

— Собирай отряд. Заберём его домой. Где ему и место, — констатировала Стейси, как будто это уже она принимала решения, а я был всего-навсего её жалким подчинённым, которого она ни во что не ставила.

— Ты мне только что отдала приказ?

— Называй, как хочешь.

— Класс. Супер. Допустим, я соберу. Что дальше? Что

мы скажем остальным? Что они скажут нам, когда увидят его укус? Думаешь, Майк и все остальные радушно позволят ему войти в убежище? Да его расстреляют на месте. Устав.

— Майк? — она громко рассмеялась. — Тебе должно быть кристально похуй, что там подумает какой-то Майк. И к чёрту твой ебанный устав. Перепиши его. Давно пора. Эта «конституция» уже устарела. Ты же лидер. У тебя есть на это полное право.

Стейси, как ядовитая змея, жалила меня снова и снова в те места, которые не были покрыты бронёй. И она их все прекрасно знала. Наизусть.

— Переписать устав из-за одного человека?

— Не из-за, а ради человека. И этот человек, твой брат.

Стейси выдержала короткую паузу, чтобы добить меня окончательно.

— Эрик. Если Майк будет открывать свой гнилой рот, то просто заставь его заткнуться. Или я заставлю его умолкнуть навсегда, прострелив ему яйца. Они ему всё равно не нужны. Как ни крути, на улице апокалипсис. Не время для детишек.

— Стейси...

— Слушай, — она меня перебила. — Ты боишься, что тебя никто не поддержит. Да? Я поддержу тебя. Мы справимся. И заберём его домой. А если потребуется, перебьём всех тех, кто будет с нами не согласен.

Для неё всё было так просто. Да... Перебить всех несогласных. Я хотел с ней согласиться. Всем сердцем хотел. Но

здравый рассудок подсказывал мне, что цена одного человека, пускай и моего брата, не равна жизням целого отряда.

— Я запру его в подвале и буду лично наблюдать за его состоянием. Буду изучать, — заявила она. — Так Вайс хотя бы будет у нас на виду.

— А если он обратится? — спросил я.

— Если он обратится, то я сама пушу ему пулю в лоб. Идёт? Ну так что?

Она посмотрела на меня с какой-то призрачной надеждой в глазах. Я не знал, почему Стейси так отчаянно вцепилась в него. Между ними ничего не было. Я бы знал. Да все знали бы.

Мой брат лишь изредка помогал ей в медблоке. Перетащить кого-то с койки на койку или пересчитать и записать медикаменты. Причин так отчаянно бороться за него у неё не было. Так почему? Может... может, потому, что раньше она тоже выживала на улице среди чудовищ? И в компании чудовищ? Не важно. Я не знал точного ответа на этот вопрос. Но знал, что не стану убивать товарищей. Вайса можно было вернуть, если он всё ещё не потерял контроль. Нужно. Но я хотел сделать это без кровопролития.

— Я соберу отряд. Но мы должны найти его первыми и убедиться, что укус никто не обнаружит.

— А если всё-таки обнаружат? Что ты предпримешь?

Стейси всегда задавала неудобные вопросы. Ответов на которые у меня частенько не было. Всё нужно сделать без

жертв и крови. Но был ли я готов прострелить головы товарищам ради брата? Стоил ли риск того? Я не знал. Ведь он, возможно, уже пополнил ряды заражённых. Или находился в процессе.

— Я не знаю. Перестань меня пилить. И так мозги с утра вынесла.

— Судя по твоим глупым решениям, то там уже нечего выносить. Ладно. У тебя будет время подумать перед тем, как мы найдём его. И ещё... инсулин. Его осталось ровно на месяц.

— Чёрт...

Глава 13 Вайс

Дьявол берёт выходной. Как же, блядь, поэтично.

Я сжал руку в кулак. Место укуса жгло и чесалось. Я сдерживался из последних сил. Ещё немного — и сорвал бы перчатку.

Но знал: новые знакомые не оценили бы моей отметины. Забили бы до смерти своими битами или с чем они там припёрлись.

Райан направился вперёд. Вся его шайка двинулась вслед за вожаком, и я тоже. Теперь я был частью их стаи. Пока что.

Они притащили меня в старый торговый центр, который раньше являлся достопримечательностью нашего заурядного городка. Битое стекло и мусор под ногами устилали первый этаж огромного здания. Где-то в углу помещения в ржавой металлической бочке трещал огонь, отбрасывая на обшарпанные стены пляшущие, уродливые тени моих новых «друзей».

Помимо пятерых, которые пришли по мою душу, я насчитал ещё четверых, по крайней мере, в этом месте и сейчас. Но не думаю, что их было больше.

Обычно мародёры сбивались в небольшие компании по пять-десять человек. И ходили они всегда вместе. Так было проще, безопаснее. И награбленное делить куда приятнее, когда голодных ртов едва десяток, а не несколько сотен, как

у нас в убежище.

Я уселся на перевёрнутый пластиковый ящик возле бочки с огнём. Четвёрка мародёров, среди которых была ещё и женщина, оживилась и пристально уставилась на меня.

— Новенький? — поинтересовалась женщина, которая по физической форме уступала разве что Райану. Не хотелось бы мне переходить ей дорогу. Я уже было хотел ответить, как Райан приобнял её за плечи и ехидно улыбнулся.

— Ага, подобрал его, как добрый самаритянин.

— Где?

— Да так. Возле убежища Эрика.

— Тебя выгнали? За что?

Честно говоря, мне не хотелось посвящать их в свои личные дела или придумывать какие-то отговорки. Я просто промолчал, уставившись в пол.

— Больная тема для пацана. Чё ты докапываешься? Собственный брательник вышвырнул. Видишь, какое кислое еблишко скорчил, — Райан заулыбался. Ему было весело. Чертовски весело.

Кто-то из стаи протянул ему бутылку с пойлом. Без этикетки.

— Как и обещал, — Райан открыл бутылку и глотнул из неё. Как будто показывая, что яда в алкоголе нет. Но от этого жеста доверия у меня не добавилось.

— Пей, пацан, — Райан сунул мне под нос стеклянную бутылку, на горлышке которой осталась его слюна. Мерзость.

— За новую семью, — процедил я, натягивая на лицо кри-
вую улыбку.

Я сделал вид, что делаю большой глоток, но лишь смо-
чил губы, позволив жидкости стечь по подбородку на куртку.
Ещё с самого детства родители учили меня не напиваться. А
тем более в компании незнакомых, подозрительных людей.
И они как раз попадали под эти категории. Мне нужен был
кристально чистый разум, чтобы не вляпаться в ещё большее
дерьмо.

Одноглазый коротышка тем временем продолжал потро-
шить мой рюкзак. Он вытряхнул всё содержимое прямо
на грязный бетонный пол, а затем начал делить его между
остальными.

Мой запасной нож ушёл к той самой мускулистой бабе —
она сразу положила на него глаз. Из оружия у меня остава-
лись только пистолет и несколько магазинов, право на кото-
рые я отстоял ещё там, в лесу.

Мне оставалось лишь молча наблюдать за их довольными
рожами, пока карлик швырял им мои вещи. Каждая клет-
ка тела кричала от желания выхватить пушку и разнести им
головы, но я продолжал буравить взглядом пол, играя роль
сломленного, изгнанного пацанёнка.

— Не дуйся, Вайс, — Райан уселся напротив меня, лениво
крутя в руках нож-бабочку.

— В стае всё общее. Ты же помнишь?

— Помню, — сухо ответил я.

— Вот и славно. А раз мы теперь одна семья... семья должна делиться и секретами, — Райан подался вперёд, уперевшись локтями в колени. Огонь из бочки осветил его лицо снизу, делая его похожим на упыря. Нет. На того самого каннибала, кем он и являлся на самом деле.

— Расскажи-ка мне про своего старшего братика. Эрик всегда строил из себя гребаного святого. Что, почувствовал, что даёт слабину, и решил избавиться от молодого конкурента? Он ведь ни за что и никому не уступит своё тёпленькое местечко командира.

Пришлось быстро соображать. Быстрее обычного. Превратить ложь в настоящую правду, в которой никто не усомнится. Даже Райан. Чтобы выжить среди них, мне нужно думать, как они, или же сделать вид, что мы мыслим одинаково, в одном направлении.

— Конкурента? — я издал хриплый, горький смешок и сплюнул на землю. — Он не боится прямой конкуренции. Ведь люди пойдут за ним. И ты это знаешь. Он боится потерять свою репутацию лидера, который держит всё под контролем.

Райан перестал крутить бабочку. Вот оно. Его внимание полностью переключилось на мою искусную ложь, которую я был готов с удовольствием лить ему в уши.

— Ты был ещё в убежище, когда писался устав. Ты знаешь. Он основывался на гуманизме, чтобы сохранить не только жизни, но и человечность. А сейчас его гребаный

устав больше не работает. А дальше — хуже, — я поднял на него холодный взгляд. — У нас накрылись солнечные батареи, которые мы сумели демонтировать с некоторых зданий. Нужны детали. Вот только где их искать? С системой фильтрации та же беда. О медикаментах я вообще молчу. Через пару месяцев половина бункера начнётдохнуть от обезвоживания, а если будут пить грязную воду, то и от инфекции. Я предложил собрать ударный отряд и начать зачищать соседние территории и города. Брать то, что нужно, силой, если потребуется. В том числе и у таких, как вы. А также у более мелких убежищ.

По лицам мародёров пробежала волна напряжения. Женщина инстинктивно сжала рукоять моего ножа, но Райан жестом приказал ей заткнуться.

— А Эрик что? — спросил вожак с явным интересом.

— А что Эрик. Эрик заныл, что мы не убийцы и не мародёры. Ну, как обычно. Что мы потеряем человечность и блабла-бла, — я произнёс это с максимальным отвращением, копируя интонации Эрика. — Мы сцепились посреди белого дня. У всех на глазах. Я приставил ствол к его голове. Сказал, что он ведёт нас в могилу. А я не собираюсь подышать лишь потому, что он так сказал.

Я сделал паузу, чтобы они переварили всё то, что на них вывалилось. Это была идеальная ложь. В ней была крупица правды — Эрик действительно приставлял ствол к моей голове, я просто поменял нас местами.

— И он тебя не прикончил? — недоверчиво хмыкнул коротышка.

— Кишка тонка, — отрезал я. — Убить родного брата на глазах у всех? Это разрушило бы его образ и репутацию, за которой он то и дело прячется. Поэтому он сделал хуже. Вышвырнул меня ночью за периметр, надеясь, что лес и заражённые сделают за него всю грязную работёнку. И его ручки останутся чистыми.

Райан медленно кивнул. На его лице расплылась широкая, омерзительная улыбка. Он купился. Я сказал ему именно то, что он хотел услышать. Ложь, в которую ему самому хотелось верить.

— Значит, убежище Эрика слабеет... — задумчиво протянул Райан, потирая подбородок. — Интересно. Очень интересно.

Я мысленно выдохнул. Райан проглотил крючок, сам того не замечая.

— Ладно. Все разбежались спать. Фил, ты на шухере. Вайс, найди, куда упасть.

Я кивнул. Мародёры потеряли ко мне всякий интерес. Или же это был признак того, что они меня приняли? Не знаю. Боль под рёбрами полностью утихла, и я мог сосредоточиться на том, чтобы пережить не только эту ночь, но и следующие две недели вне дома.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.